

Андрей Булатов

*Рассказы
об эффективности
и компетентности*

Андрей Булатов

**Рассказы об эффективности
и компетентности**

«Издательские решения»

Булатов А.

Рассказы об эффективности и компетентности / А. Булатов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850108-1

Когда слышишь об эффективности и компетентности, на ум приходят умелые детективы, расследующие сложные преступления или харизматичные западные бизнесмены-лидеры, типа Гейтса или Джобса. На самом деле самый обычный человек может быть весьма эффективным и компетентным. Мы часто их не замечаем, потому что они не выпячивают свои заслуги. Тем не менее, именно они делают нашу жизнь легче и удобнее.

ISBN 978-5-44-850108-1

© Булатов А.
© Издательские решения

Содержание

Студенческий рассказ об эффективности и компетентности	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Рассказы об эффективности и компетентности

Андрей Булатов

© Андрей Булатов, 2017

ISBN 978-5-4485-0108-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Студенческий рассказ об эффективности и компетентности

Удивительное случилось лето. Весна была солнечной, но холодной, яблони так и не смогли обзавестись цветами – всё ждали и ждали тепла, и не дождались. Июнь ненадолго леванул дождями, а потом морозил грунт, днём же давая солнцу волю на полную. Так и дожили до самого июля.

Июль порадовал разнообразием – то холод, то жара, то гроза с градом, то сушь по две недели подряд. Но такого августа не ждал никто. Все как-то сосредоточили внимание на европейском футболе – очередной чемпионат затягивал сочностью красок на экране и свежестью пива во рту. Жены милостиво смотрели футбол с мужьями, тоже прикладываясь к прохладному стеклянному горлышку с горьковатым напитком и с удовольствием выплёскивая эмоции по поводу выходов футболистов. Так и упустили август.

А он взял, да и грянул жарой и сухостью. Каждый день за тридцать, никакого дождя. Уж и Илья Пророк прошёл, а вода в нашем озере ничуть не стала холоднее. Напротив, ночи стоят мягкие и безветренные, храня тепло в воде, которая наутро – чистая и свежая, так и ждет нас в свои объятия. Свёкла, взошедшая у нас довольно поздно, уже в начале августа вымахала на полкило – что же нас ждёт в сентябре? Никогда раньше не бывало, чтобы вишня полностью отошла к августу, а морковь была уже на выданье.

Мы с Юлей с утра, пока никого не было, плавали в озере, а потом возились в саду. Незаметно наступила Олимпиада в Рио. Не имея телевизора уже 20 лет, я отметил её начало лишь по новостям Рамблера. Скандалы с допингами, конфронтация там, где её не должно быть, напомнили мне другую Олимпиаду, ту, которую помнят все бывшие советские, Московскую, 1980 года. Переломный момент в нашей экономике, да и вообще, в жизни. Но не Московская Олимпиада была в тот год главным событием в моей жизни, совсем не она.

То лето было последним в моей студенческой жизни. Мы провели его с моим лучшим другом и одногруппником Андреем на преддипломной практике в Саратове. В начале июля мы с ним получили командировочные и деньги на билеты до Саратова. Вся наша группа студентов-дизайнеров разъезжалась кто-куда. Впервые все ехали на предприятия, чтобы посмотреть, а если повезёт, то и поучаствовать в реальном производстве, чтобы проверить, хотя для самого себя – научился ли ты хоть чему-нибудь в дизайне или же нет. Большая группа поехала на Камаз, кто-то стартовал в Сибирь на тракторный завод, кого-то оставили на кафедре дизайнера в родном институте. Мы же с Андреем, два Андрея, неожиданно-негаданно попали в неведомый НИИ Авиапрома в Саратове.

Поначалу в этом было нечто интригующее, до тех пор, пока мы не добрались до места. А место это оказалось на крыше административного корпуса не слишком большого завода, угнездившегося на высоком волжском берегу, под самой саратовской телевышкой. Мы, привыкшие к цивилизации Свердловска конца 70-х и нашего крохотного, но элитарного института, поражались каждой новой мелочи, воспринятой в реальной жизни производства этого загадочного Саратовского НИИ.

Мы любили в обед никуда не ходить, а вылезти из окна «художественного отдела» на крышу корпуса и наблюдать с высоты дымчатые волжские дали и сады, плотно заполнившие холмы высокого берега Волги по другую сторону ограды завода. Изначально места для «художественного отдела» на заводе не было – даже в проекте не был предусмотрен отдел дизайна. Так в те далёкие советские времена относились к этому виду деятельности. Дизайн только-только пробивал себе дорогу, но был ещё пока наподобие джаза в 60-х – нечто от Западной вражеской моды, к которой надо относиться скорее с подозрением, нежели привечать.

В конце концов, необходимость рисовать пропагандистские плакаты, а также жёсткое требование по патентованию промышленных образцов станков, выпускаемых заводом, продиктовали выделение для художников специального места в этом абсолютно закрытом и секретном мирке над мирным Саратовом. Так его и построили, прямо на крыше административного корпуса, размером восемь на десять метров с четырьмя большими окнами по длинной стене, через одно из которых мы и десантировались на крышу.

Обычная саратовская июльская жара радовала нас, привыкших к прохладе уральцев. В выходные мы с огромным удовольствием ходили на пляж на острове посреди Волги, вечерами же шныряли вокруг общежития, куда нас поселили в одну комнату вместе с рабочим завода, молодым парнем Сашей. Иногда ходили в гости к другим «художникам» (так на заводе называли всех, кто работал на крыше административного корпуса).

В самом же «художественном отделе» нам было удивительно всё: и начальник, не имевший никакого художественного образования; и огромные старющие кульманы, на каждом из которых обязательно лежала небольшая губка; и весёлый, обычно слегка пьяный художник Лёха; и два дизайнера, основным занятием которых было выполнить все требования патентного отдела, чтобы очередное детище местных инженеров можно было должным образом запатентовать. Постепенно, шаг за шагом мы разобрались, что всё это значит.

Первое, что нас поразило и о чём мы с удивлением узнали, были эти самые небольшие поролоновые губки, лежавшие на полочке для карандашей у каждого кульмана. Лишь догадываясь о том, что их могли бы использовать для нанесения краски (как это делали мы на занятиях в институте), мы оба поразились, когда увидели, как Наиль – второй дизайнер – наносит краску, широкая сапожной щёткой по металлической сетке, держа её над изображением станка. Такой древней технологии покраски нам ещё не приходилось наблюдать. Поражённые насмерть, мы дождались, пока Наиль закончит своё дело, и очень-очень осторожно спросили, – «Наиль, а почему ты не воспользуешься вот этой губкой, которая лежит на каждом кульмане? Разве они не для того, чтобы наносить краску?».

Восточный красавец Наиль был поражён не меньше нас, – «Вы что ребята, с Луны свалились? Это же наши подушки, зачем я их пачкать буду?» «Вот это да!», – подумали мы одну и ту же мысль, не договариваясь друг с другом, – «Куда же нас на этот раз занесло?» Оказалось, что каждый день после обеда в отделе наступал неофициальный сон-час. Вылезая на крышу, мы просто не видели, как после возвращения из столовой «художники» садились за свои кульманы, левую руку клали на круглую рукоятку рейсшины, правую на колено, а под лоб подкладывали ту самую губку, чтобы не надавить себе кожу о твёрдую панель кульмана.

Наш нетренированный взгляд поначалу не мог отличить усердно работающего «художника» от мирно спящего, когда мы возвращались с нашей крыши. Судя по тому, что каждый кульман (даже те, за которыми никто не сидел) был «оборудован» губкой, дело было постав-

лено профессионально. Начальник же отдела сидел за своим столом напротив входа в отдел и наблюдал за всеми «художниками» со стороны кульмана, элементарно видя лишь ноги «работающих». Он строго контролировал приход и уход с работы, но был совершенно не в силах проконтролировать работу после обеда. Ему приходилось тяжелее всех – ведь он точно так же засыпал, но губки, а тем более, кульмана, у него и в помине не было.

Это было почти что физически больно – наблюдать, как трое мужиков и одна миловидная молодая женщина, сидевшие вокруг нас за кульманами, после обеда подкладывали себе губки под лбы и спокойно засыпали в полной уверенности, что таков порядок вещей. А бедный и несчастный начальник боролся со сном, сидя напротив всех. Сначала он начинал часто моргать, потом глаза его закрывались, а ещё через несколько минут голова бессильно падала на его скрещенные на столе руки, и он мирно, как и все остальные, спал около часа, пока съеденная еда не усваивалась. Наблюдать за его борьбой с самим собой было так тяжело, что мы в приступе сострадания однажды решили поговорить с ним после обеда, чтобы не быть свидетелями его бесславных попыток сохранить лицо.

Начальник, назовём его Григорием Викторовичем (за давностью дела я подзабыл его точное имя), охотно откликнулся на нашу инициативу. Конечно же, он знал, что все спят после обеда. Но ведь это был НЕПОРЯДОК, которому не место на социалистическом предприятии, усугубляемом тем режимом строгой секретности, который подразумевает оформление спецдопусков, автоматизированную проходную и все спец- и доп-пайки, которыми пользовались работники предприятия. Самое ужасное, что он не только мирился с этим, но и сам не мог устоять перед естественной физиологической потребностью, которую в Китае используют все, даже школьники, которые спят на своих школьных партах после обеда. Такой мощный душевный раздрай Григория Викторовича не мог не наложить отпечаток на его поведение. Он был явно недоволен собой.

На наш к нему интерес он откликнулся живо и даже рассказал нам о таких подробностях, на которые мы и не рассчитывали, особенно я. Он сказал, что очень на нас надеется, потому что ему «надо бы сделать рывок по службе», а летом все в отпусках, кроме Генерального. Григорий Викторович никогда не называл его по имени, только так – Генеральный. Генеральный летом всегда на своём месте, а это значит, что те, кто хочет чего-то заслужить, тоже должны в это время работать. Кто бы знал, насколько это невероятно трудно – работать все лето в Саратове, когда тебя ждёт дача на Волге!

Григорий Викторович несколько даже искательно рассказал нам, что руководит он «художниками» совершенно ничего не понимая, что они делают. «Ведь я же инженер-конструктор, как и все здесь у нас в НИИ! Но, вот Генеральный лично попросил, когда СВЕРХУ приказали создать «отдел дизайна», а рядом стоял парторг, блин! Не буду же я партбилета лишаться ни за что», – распалился внезапно Григорий Викторович, – " Вот так и тяну лямку, мать её, уже пять лет! Но вы, мальчики, вся моя надежда, я же вас сюда вытянул, пришлось потратиться из своего кармана.» А вот это уже было очень интересно для нас, поэтому мы ещё внимательнее всмотрелись в страдальческое бритое лицо Григория Викторовича.

«А как же, конечно», – продолжал он свой рассказ. «Я ведь специально взял два дня за свой счёт и слетал в ваш Свердловск, ещё после Нового года. Нашёл эту, как её там зовут, ну кто за преддипломную практику у вас отвечает. Я её сводил в ваш лучший ресторан, по-моему „Малахит“ или как он у вас там называется? Я честно ей всё объяснил и попросил двоих, самых лучших, прислать к нам в НИИ. Ну очень надо! Почти на коленях умолял, коробку самых

дорогих конфет и армянский коньяк в придачу, да ещё духи знающие люди посоветовали!», – разоткровенничался Григорий Викторович. «Так что, вы уж ребята, не подведите! Сейчас уж такое время – перемены грядут, меня уже предупредили знающие люди. Эта Олимпиада многое изменит, а мне шанса уже не выпадет – я ведь уже не молодой специалист!»

Мы с Андреем сидели не шелохнувшись, остро и пронзительно ощущая, что тот мир, в котором мы жили до сих пор, совсем не такой, в котором жил этот седеющий человек, сидящий сейчас перед нами. Сказать нам ему было нечего, кроме как пообещать, что мы сделаем всё, на что способны. А что же нам нужно было сделать, мы даже не представляли. Я только с трудом начинал понимать, как сложно устроены все эти ходы и взаимоотношения, связанные с трудноуловимыми шансами попасть наверх. У меня перед глазами стояла наша кураторша, отвечающая за преддипломную практику студентов. Она была еще не стара, но и совсем не молода. Некрасива, маленького роста с кривыми ногами и слегка косившими глазами, спрятанными за толстыми увеличивающими линзами очков. Она преподавала никому не интересный среди студентов предмет под названием «Патентование». Мы даже предпочитали не ходить на её лекции, договариваясь заработать «автомат» за какую-нибудь услугу. Вот такая, никому не интересная женщина, продала нас Григорию Викторовичу за ужин в ресторане, коробку конфет, духи и армянский коньяк. Утешало только лишь одно – она посчитала нас с Андреем «самыми лучшими» среди 45 студентов нашего потока, кому предстояло пройти через испытание реальной жизнью перед дипломом. Насчёт моего друга сомнений у меня не было – всё-таки золотой медалист и Ленинский стипендиат. А вот я? Как же я-то попал в разряд «самых лучших»? Неужели только потому, что Андрей заранее знал о месте нашей практики, и выбрал меня в качестве компаньона только потому, что мы друзья? Этот червь сомнения тогда почти раздирал мне ум.

Но в тот момент, когда жалкий Григорий Викторович вещал нам о своих мытарствах, я не думал об этом. Я думал о том, что ведь правда, что-то изменилось в стране. Ведь в продуктовых магазинах Саратова мы не могли купить ничего, кроме хлеба, яиц и капусты. Даже обычного чая, и то не было! Наиль объяснил нам, что в центре города есть специальный чайный магазин, где можно купить настоящий индийский чай «со слоном», если занять очередь в пять утра, потому что за полчаса весь привезённый на неделю запас распродается. Мы не могли купить даже молока – только на рынке, у частных.

Мы ещё не знали тогда, что летом Олимпийского года в Москву шли эшелоны с продуктами со всей страны, чтобы приехавшие иностранные спортсмены и туристы видели «советское изобилие». Мы ещё не знали тогда, что после окончания Московской Олимпиады эшелоны так и будут доставлять в Москву все продукты питания, а простой народ будет ездить за ними в столицу даже с Урала и из Сибири, не говоря уже о Подмоскovie или средней полосе. Мы ещё не знали тогда, что началась концентрация капитала в руках подпольных олигархов, которые через десять лет полностью возьмут экономическую власть в свои руки, разрушая госэкономику. Мы ещё не знали тогда, что в день открытия Московской Олимпиады Москва хоронила Высоцкого, а почти вся милиция города старалась блокировать потоки людей, стремящихся присоединиться к траурной процессии.

Ничего этого, происходящего в реальной жизни, мы тогда не знали. Но рассказ Григория Викторовича стал первой каплей в то время, которая положила начало в моём сомнении в незыблемости социалистического строя и его «нерушимой экономики».

Второй каплей стала история с графическим символом этого самого секретного саратовского НИИ, куда мы неожиданно-нагаданно попали в то жаркое лето 1980 года. Этот знак, символ, марка предприятия значит очень много для мира экономики. По нему узнают продукцию предприятия. Оно служит показателем определённой культуры производства. Благодаря наличию этого знака продукция завоёвывает рынок. Знаки «Опель», «Тойота», «Фольксваген» и другие подобные знаки и не только автомобильных концернов давно образуют свой культурный пласт, воздействуя не только на умы, но и на кошельки владельцев производства.

Тогда, в то памятное олимпийское лето перед Генеральным поставили задачу «сверху» – выйти со станками завода на международный рынок, чтобы продавать их за валюту. Это тоже было то, чего мы не знали. Завод, хоть и назывался «НИИ» (а точнее, НИТИ – Научно-исследовательский Технологический Институт), на самом деле был обычным советским станкостроительным заводом. В его стенах проводилась обычная для тех лет практика. Нашему Авиапрому требовалось огромное количество автоматизированных станков среднего уровня. Стандартная практика их производства заключалась в следующем. На международном рынке закупались иностранные образцы требуемого станка – немецкие, американские, французские, голландские. Затем эти станки разбирались по деталям и копировались в точности нашими инженерами, чтобы производить их в большом количестве. Это сейчас все привыкли ругать Китай за подобную практику. На самом деле при «развитом социализме» никто не стеснялся подобной деятельности, это было нормой везде, а особенно на секретных заводах.

Всё это объяснил и показал нам ведущий дизайнер «художественного отдела», когда проводил нам ознакомительную экскурсию по цехам. Он так и сказал, – «Нашей главной задачей является внести в зарубежный станок незначительные, но приемлемые изменения. Такие, которые смогут послужить основанием для подачи заявки на патентную регистрацию, чтобы мы могли производить его самостоятельно». Теперь нам стало понятно, почему полки с бюллетенями Патентного института занимали большую часть стен «художественного отдела».

Вернувшись «на крышу», мы попросили Наилья, который усердно продолжал ёрзать мокрой от краски щёткой по металлической сетке, какое же «незначительное, но приемлемое изменение» внёс он в станок, который он в данный момент готовил к патентной регистрации. Для подачи заявки на патент требовалось представить внешний вид нового станка в виде рисунка. Наиль просто поразил нас своей простотой и наивностью. «Я в два раза увеличил кнопки управления и добавил ещё одну, просто так. Она ничем не управляет. Просто, чтобы панель выглядела по-другому», – смущённо улыбаясь, ответил он.

Андрей, слегка задумавшись, почему-то спросил Наилья, – «А сколько таких заявок приходится оформлять?». «Ну, несколько станков в год, пять или шесть», – ответил добрый Наиль. Он и в самом деле был очень добрым, милым человеком. Даже купил нам пачку чая, выстояв в очереди в с пяти до девяти утра. Но зачем учиться пять с половиной лет, чтобы выполнять вот такую «сверхсекретную» работу, которую Наиль делал уже, как молодой специалист, третий год подряд? Вопрос этот, видимо, так заинтриговал Андрея, что в какой-то мере решил его дальнейшую судьбу, как дизайнера. Что же касается меня, то я был по-настоящему потрясён тем, что такая глупость на самом деле существует в реальном, осязаемом мною мире, где люди спят на работе после обеда, где есть спецхрана и спецпайки, где могут спокойно своровать технические идеи, наделив станок ненужной кнопкой, где за высоченным забором с колючей проволокой люди думают, что они работают.

Но вернёмся к торговому знаку этого НИИ. Поскольку завод был сверхсекретный, он не имел зарегистрированного торгового знака. Задача была поставлена «сверху», а посему должна была быть реализована в кратчайшие сроки. Вот и наступил звёздный час Григория Викторовича. Его гений управленца мелкого звена, замешанный на сермяжной мужицкой смекалке советского инженера с партбилетом во внутреннем кармане, сработал безошибочно. Он официально дал приказ ведущему дизайнеру сделать эскиз логотипа (так называется торговый знак предприятия). А нас с Андреем он лично попросил тоже «немного поработать над этим». «У вас мозги же свежие, ещё не заплесневели!», – добавил он, лукаво улыбаясь.

Мы стали с интересом наблюдать за работой ведущего дизайнера. О, простите ради Бога, Ведущего Дизайнера, ибо это было официальное название его должности – Ведущий Дизайнер НИИ. Перед ним трепетал сам Григорий Викторович, поскольку совершенно не понимал, что такое дизайн вообще, и что такое промышленный дизайн, в частности. Звали его Леонид. Впрочем, можно сказать, что все имена здесь вымышленные, поскольку с тех пор минула уже целая жизнь – родилось, выросло и возмужало целое поколение, к которому относится и мой сын, родившийся за полтора года до описываемых событий.

Леонид выглядел очень внушительно. Высокий и сухопарый, он наверняка занимался каким-то спортом, в отличие от толстого художника Лёхи, умело писавшего плакаты к праздникам. Тонкое интеллигентное лицо с острым носом украшали внушительные модные очки. Аккуратная шевелюра «соль с перцем» как нельзя лучше подчёркивала его значительный умный взгляд Вячеслава Тихонова. Он носил подогнанную к фигуре одежду и наверняка тоже имел партбилет во внутреннем кармане. Общался с нами Леонид очень корректно, близко не подпуская, но позволяя наблюдать за его работой. Ему, наверное, слегка льстило, что студенты учатся у него, как надо работать.

Леонид натянул бумагу на большой планшет и поставил его на свой кульман. В ознаменование важности задания он даже убрал свою губку с глаз долой. Я подумал, что, наверное, это впервые. Примерно три дня он непрерывно листал толстые сборники бюллетеней Патентного института, изучая представленные там логотипы и торговые знаки подобных НИТИ предприятий. Затем он зачем-то скопировал около двух десятков знаков на свой планшет, увеличив их раз в десять. Надписи и рисунки, выполненные в туши заполнили всё свободное пространство планшета. «Ну да, всё, как на первом курсе у нас в институте», – подумал я тогда. Основным отличием была серьёзность и важность всех его движений и действий.

Наши наблюдения неожиданно прервал Григорий Викторович, – «Ребята, выручайте! Генеральный требует нарисовать плакат к годовщине НИИ. А это будет в сентябре. Плакат-то ещё надо в натуре покрасить. Ну, это Лёха сделает, а вы уж постарайтесь, сделайте эскиз! Срочно надо.» Он говорил об огромном стенде, размером примерно с двухэтажный дом, который стоял во внутреннем дворе завода, как раз напротив проходной. Мы с Андреем решили разделить работу. Он взялся за эскиз торгового знака, а я решил нарисовать эскиз плаката. Это было вполне справедливо, потому что мой друг настоящий дизайнер, что называется «от Бога», и я с полной готовностью отдал ему преимущество в тонкой дизайнерской работе по созданию эскиза торгового знака. Хотя, конечно, Григорий Викторович не знал о наших возможностях и взаимоотношениях и воспринимал нас двоих, как единое целое, купленное им за немалый взнос.

Тем временем, мы тоже не спали после обеда, продолжая вылезать на крышу и загорать там, сняв рубашки. Андрей сделал пару почеркушек простым карандашом на листе обычного

формата писчей бумаги, как мы привыкли делать в институте на учёбе. Я же сделал полноценный цветной эскиз праздничного плаката на половине ватманского листа. Вернее, мы нарисовали его вместе по моей почеркушке. Наиль даже дал нам два немецких аэрографа, когда узнал, что мы будем рисовать в цвете. У нас, что называется, чуть челюсти не отпали. Как? У них есть аэрографы, а Наиль делает рисунок станка сапожной щёткой с сеткой? Нашему удивлению не было предела.

Но ответ был прост. В помещение «художественного отдела» провели сжатый воздух, как и во все цеха завода. Давление в системе составляло примерно десять атмосфер. Это в 5—8 раз больше, чем требуется для аэрографа. Поэтому тонкой настройкой, которую требует немецкое точное изделие никто и не думал заниматься. Просто добавляли давления. В результате самые тонкие детали элементарно разорвало сильной струёй воздуха. Мы собрали из двух комплектов один рабочий аэрограф и под удивлёнными взглядами «художников» покрасили большой эскиз плаката. Свой листочек с логотипом Андрей тоже показал Григорию Викторовичу. Тот был на седьмом небе от радости! Ещё бы – у него сюрприз для Генерального. Целых два варианта логотипа и цветной большой эскиз для Лёхи, который после отпуска был готов взяться за дело.

Смекалка Григория Викторовича была неотразима. Он пробил наверняка. Он сиял и ходил именинником всю неделю. Леонид завершил свою работу. Внизу планшета красовался торговый знак НИТИ, который наглядно можно было сравнить с прототипами, нарисованными сверху в одном масштабе. Работа была выполнена блестяще. Сразу было видно, что можно смело подавать заявку на патент, ибо знак Ведущего Дизайнера явно обладал патентной новизной и чистотой – самым серьёзным преимуществом, с которым только и считаются серьёзные люди. На наш же студенческий взгляд трудно было отличить, где здесь прототипы, а где новый знак. Все логотипы были выполнены в стиле конца 60-х, времени, когда Леонид учился в Строгановке (или в другом учебном заведении, где учат дизайнеров). Все они были похожи друг на друга и, в какой-то мере, на самого Леонида, напоминая его интеллигентный острый нос, очки в строгой оправе и шевелюру «соль с перцем».

Конечно, мы оба промолчали, скромно сложив листочки Андрея и мой эскиз плаката на стол Григория Викторовича. Он запихнул всё это себе подмышку, взял в помощники молодую девушку Любу, которая только начал работать в «художественном отделе», в надежде заменить когда-нибудь разбитного и частенько пьяного Лёху. Люба осторожно взяла планшет Ведущего Дизайнера НИИ и последовала за начальником. Нам, конечно, было интересно, чем закончится эта эпопея, но просто так сидеть было скучно. Мы пошли наведаться к знакомому рабочему в цех, к которому нас привёл Наиль. В цеху было несколько наждачных станков. Чтобы не терять время, мы попросили у рабочего Вадика обломки фрезы и начали точить из них макетные ножи.

Через пару часов в цех прибежал запыхавшийся Наиль. «Куда вы пропали? Вас начальник обыскался, но вроде не сердит. Не гневите Аллаха, пошли на крышу», – выпалил Наиль, в то же время как-то весело подмигивая. Григорий Викторович дипломатично встретил нас по пути в «художественный отдел», на последнем пролёте лестницы. Глаза его сияли. Он был явно возбуждён. «Ну, ребята, ну, не зря я вас выписал, ну, молодцы! Только теперь, давайте, надо так же, как плакат, красиво нарисовать этот ваш логотип. Он Генеральному больше понравился! Лёня, конечно, он молодец, он всё правильно сделал, но ведь не ново, не запоминающееся. А ваш – такой оригинальный. Генеральный сразу на него запал, так что давайте, не подве-

дите, сделайте как надо!», – трещал Григорий Викторович, не давая нам с Андреем вставить хотя бы слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.